

ИСТОРИЯ

*Татьяна Владимировна КУДРЯВЦЕВА —
доцент кафедры всеобщей истории
Российского государственного педагогического
университета им. А. И. Герцена,
кандидат исторических наук*

УДК 930

АФИНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ — «ГАДКИЙ УТЕНОК» ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (от Макиавелли до Констан)

АННОТАЦИЯ. Исследуется изучение в европейской историографии афинской демократии, начиная с эпохи Возрождения (Макиавелли) до начала XIX века (Констан). Делается вывод: преобладала критическая тенденция, хотя к концу XVIII в. ситуация начала меняться под влиянием событий и под воздействием таких авторитетов, как Вольтер, Винкельман, Гегель.

The research of Athenian democracy is studied from Renaissance (Machiavelli) till the beginning of the XIX cent. (Constant). The author of the article comes to this conclusion: the critical tendency prevailed but situation changed at the end of the XVIII cent. under the influence of political events and of such experts as Voltaire, Winkelmann and Hegel.

2500 лет тому назад Перикл выступал на похоронах воинов, павших в первый год Пелопоннесской войны, с программной речью, прославлявшей афинскую демократию. Тогда лидер афинского государства произнес такие пророческие слова (по версии Фукидида): «Мы послужим предметом удивления для современников и потомков» [1; 102]. И действительно, едва ли какое другое историческое порождение античного мира вызывало такие яростные споры и привлекало такое пристальное внимание, как афинская демократия. Спор вокруг этой темы был самым тесным образом связан и с собственным политическим развитием Европы в Новое время (переходом от абсолютизма к буржуазным республикам или конституционным монархиям, а затем и к либеральным демократиям), и с идейно-политическими убеждениями самих исследователей, проявляющимися прежде всего в их отношении к абстрактным понятиям демократии и свободы. «Хулители» и «хвалители» наперебой состязались в создании портрета афинской демократии: реконструировали, анализировали, изучали политические институты и вождей. У «хулителей» была серьезная моральная поддержка в лице античных критиков афинской демок-

ратии, в роли которых выступали многие «светлые» древнегреческие головы: Платон, Аристотель, Исократ, Ксенофонт, отчасти — Фукидид и Плутарх, — все они с разной степенью таланта и убедительности живописали недостатки афинской демократии. У «хвалителей» тоже была своя опора: политическое развитие западного мира с теми или иными коллизиями, потрясениями и отступлениями все же неуклонно шествовало к демократии и либерализму, на роль прародительницы которых могла вполне претендовать античная демократия. По мере того как на Западе побеждали либеральные ценности и демократическое государство, «хвалители» задавали тон. В то же время те, для кого древние Афины были воплощением коммерциализма, урбанизации, индивидуализма, власти толпы и кто использовал афинскую демократию, чтобы осудить современность, еще долго держали оборону против тенденций меняющегося мира.

В нашей статье мы проследим, как развивался спор апологетов и критиков афинской демократии, в каком виде предстает перед нами последняя в произведениях европейских интеллектуалов от Ренессанса до начала XIX в., когда закладывались основы будущего победного шествия классического либерализма по Старому и Новому свету.

Интерес к античной истории, особенно римской, был у итальянских гуманистов неподдельный, но она была главным образом источником анекдотов и нравоучений, а также поставщиком аналогий и предостережений для тогдашних итальянских государств. К примеру, Флоренция эпохи Медичи сравнивалась с Афинами, а сам Лоренцо Великолепный — с Периклом. При этом греческой истории с точки зрения серьезного внимания и изучения политических институтов повезло куда меньше римской, ибо для большинства деятелей Ренессанса она все же воспринималась как «чужая» в отличие от «своей» римской. Единодушным было мнение о преимуществах смешанного римского, а также спартанского государственного строя перед афинской демократией. Так, Николо Макиавелли об Афинах писал вскользь, делая курьезные ошибки (братом Писитратиды Гиппия он называет Диокла вместо Гиппарха). При этом он не преминул порассуждать о превосходстве спартанской конституции, действующей на протяжении восьми с лишним веков и принесшей этому городу «великую славу и благоденствие», в то время как народное правление, введенное в Афинах Солоном, еще до его смерти сменилось тиранией, а после восстановления просуществовало не больше ста лет и вынуждено было постоянно обуздывать надменность знати и распущенность народа [2; 121, 319].

Не жаловал античную демократию и мэтр французского Ренессанса Жан Боден. В «Шести книгах о государстве» (1576 г.), весьма популярных в свое время, он разбирает пороки народного государства (*popular commonweale*), широко используя афинский материал. Афинская демократия, как и все прочие демократии, нестабильна, враждебна самым мудрым и достойным гражданам; демократическое равенство противоречит законам природы; народ легко обмануть с помощью красивых слов; предоставлять толпе право принимать решения — все равно что искать мудрости у безумца. Афинский демос несколько раз назван «зверем со многими головами»; Перикл приручил этого «зверя», кормя его праздниками, играми, театральными представлениями, раздачами хлеба и денег, и смог провести поэтому некоторые разумные законы; после его смерти государство попало во власть коррумпированных ораторов и адвокатов [3; 421-424, 510, 531-532, 701-706].

Хотя в эпоху Возрождения преобладала критическая традиция по отношению к афинской демократии, она не исключала возможности иных оценок, примеры которых постепенно множились. Греческая история все более модернизировалась, в ней искали вдохновение, опровержение, оправдание современным собы-

тиям. Афинская демократия была поднята на щит в эпоху яростной полемики между роялистами и республиканцами в XVII в. в Англии — в эпоху гражданской войны, Реставрации и последующего соперничества тори и вигов до и после Славной революции. Один из многих примеров: Марчамонт Нэдхем, редактор журналов *Mercurius Britannicus* и *Mercurius Politicus*, в 50-х гг. XVII в. в своем сочинении «Превосходство свободного государства» на примере Афин демонстрировал своим соотечественникам преимущества государственного строя, основанного на свободных выборах и народном согласии. После Реставрации стало небезопасно быть ревностным поклонником афинской демократии: ее слишком горячая защита в полемике с известным ретроградом и монархистом *par excellence* Робертом Филмером, автором трактата «*Patriarcha*», явилась одним из звеньев в цепи, приведшей в конечном итоге на плаху в 1683 г. писателя-вига Элжернона Сидни [4; 147-148].

Джонатан Свифт своими «Рассуждениями о спорах и несогласиях между знатью и простым народом в Афинах и Риме и о тех последствиях, которые они имели для обоих этих государств» продолжил практику использования афинской истории в современных политических разборках. Попытка импичмента министров-вигов (в 1701 г.) вдохнула новое дыхание в старую песню о «тирании народа» и в сетования об афинских политиках, пострадавших от демоса: потерпевшие министры предстали у Свифта в образах «мучеников демократии» Мильтиада, Фемистокла, Аристида, Перикла, Алкивиада и Фокиона [5; 97]. Весь трактат пронизан неприязнью к *dominatio plebis* (тирании народа).

Впрочем, использование греческой истории в целях высвечивания современных проблем постепенно уступало место ее изучению и описанию *per se*. Почин (в 1729 г.) принадлежал французскому историку Шарлю Роллену, составившему первое, пожалуй, со времен античности подробное и последовательное изложение истории древних Греции и Рима. Автор многотомных «Древней истории» и «Римской истории» перелагал источники без какого бы то ни было серьезного анализа или оригинальных рассуждений и был нелестного мнения об афинской демократии. Ученый муж считал непостоянство и изменчивость, а также любовь к удовольствиям преобладающими чертами в характере афинян [4; 9-10].

Самой популярной английской историей Греции конца XVIII в. — начала XIX в., затмившей переведенную на английский историю Роллена, было многотомное сочинение Уильяма Митфорда. Митфорд благоволил монархиям (даже персидской), его любимый герой — Филипп Македонский, а любимая конституция — «смешанная» британская, с которой он сравнивает афинскую, разумеется, не в пользу последней. Античная демократия, точнее «охлократия», ему решительно не нравится, — тем, например, что не могла обеспечить безопасность жизни и собственности своих граждан, прежде всего самых достойных и состоятельных: чтобы защитить себя, знать должна была раболепствовать перед «сбродом» (*gabble*). Афинское государственное устройство он постоянно именуется «тиранией народа», «самым деспотическим правлением», особо отмечая неподотчетность и безответственность власти суверенной толпы [6; 8, 11, 19-20, 42-43].

Французский аббат Жан-Жак Бартеlemi, автор романа на модную в конце XVIII в. тему «*bon sauvage*» «Путешествие молодого Анахарсиса в Грецию в середине IV в. до н. э.» (1782 г.), приводит сложившийся к этому времени традиционный набор антиафинских клише: изменчивость и неразумность толпы; господство демагогов, которые льстят народу и служат своим амбициям, а не родине; недостатки судопроизводства, прежде всего засилье сикофантов; распущенность нравов; увлеченность играми и праздниками, особенно неуместная

накануне македонского завоевания, — т. е. все « пороки неограниченной демократии » [7; 126-128, 130-139]. Главный герой скиф Анахарсис ставит доблестную Спарту выше развращенных Афин, как, очевидно, ставил и сам Бартеlemi вслед за Ш. Ролленом, Г. Мабли и духовным отцом Французской революции Ж. -Ж. Руссо. Вообще большинство французской интеллектуальной элиты эпохи Просвещения благодаря сочинениям вышеупомянутых авторов, а также « Духу законов » Монтескье рассматривали Афины как несовершенное государство, коммерциализация которого способствовала развитию роскоши, изнеженности и эгоизма. Даже якобинцы представляли себя в роли спартанцев или римлян, но не афинян. Предпочтение, отдаваемое Спарте перед Афинами, объединяло, как ни парадоксально, оба крайних лагеря эпохи Великой революции: от Руссо и Робеспьера до Жозефа де Местра [8; 188-191].

Среди французских просветителей редко, но встречались и апологеты афинской демократии. Вольтер, сравнивая Афины со столь часто хвалимой Спартой, отмечал, что первые породили « великих мужей во всех областях », а вторая произвела лишь нескольких « командиров » (*capitaines*). Великий вольнодумец, защищая афинскую демократию от многочисленных критиков, подчеркивал, что за период в два столетия лишь 5-6 раз в Афинском государстве были приняты несправедливые судебные решения; особенно впечатлило его то, что афиняне признали свою ошибку, публично покаяться и, так сказать, посмертно реабилитировали стратегов-победителей при Аргинусских о-вах, Сократа и Фокиона [9, т. XVIII; 333; т. XX; 47].

Несмотря на несомненное увлечение классической историей и литературой американских отцов-основателей [10, *passim*], их мнение об афинской демократии как о политической системе было в целом весьма нелицеприятным. Их сердцу были милее патриархальная простота, чистота нравов и гражданские доблести республиканского Рима. Понятие « демократия », под которой они понимали прямую демократию в небольшом по современным меркам государстве, было в их представлении скомпрометировано афинской тиранией большинства. Поэтому, выражая собственные политические пристрастия, они использовали слово « республика », которое обозначало не что иное, как представительную демократию [11; 71-79, 380-388]. Джеймс Мэдисон не раз обращал внимание на зло прямого народного правления: « Во всех этих многочисленных собраниях ... страсти всегда удается вырвать скипетр у разума. Даже если бы каждый афинянин был Сократом, каждое афинское собрание все равно оставалось бы толпой (*mob*) » [11; 340]. Упрек в печальных последствиях отсутствия представительства адресовал классической демократии и Томас Пейн. В то же время этот публицист явно высоко оценивал древние Афины и проводил лестные для этого античного полиса аналогии с молодой Америкой: « тем, чем Афины были в миниатюре, Америка будет в полной величине; первые были чудом древнего мира, вторая становится восхищением и образцом для настоящего » [12; 118, 120-121].

В то время как суровые спартанцы в век Просвещения успешно конкурировали в разных странах с « изнеженными » афинянами, в Германии тоска по эстетическому идеалу пробудила особое внимание и симпатию к Афинам, прославленными своими шедеврами литературы и искусства. Книга Иоганна Иохима Винкельмана « История искусства древности », открывшая, по сути, образованному миру древнегреческое искусство, произвела колоссальное впечатление и породила горячее сочувствие античным идеалам и увлечение ими. Немецкий исследователь не просто восхищался совершенным художественным вкусом древних греков: важным достижением было внесение им идеи историзма в искусствоведение. На становление греческого гения, по его мнению, повлиял

характер государственного устройства и образ правления древних греков, особенно благотворной была гражданская свобода. Самым плодотворным временем была эпоха Перикла, а упадок греческого искусства напрямую связан с упадком свободы и Афин [13; 101-103, 233-235, 251-252]. Таким образом, Винкельман напрямую связал афинские демократические институты с расцветом древнегреческого искусства.

Гегель, властитель дум нескольких поколений европейцев, в своих «Лекциях по философии истории» сказал несколько теплых слов об Афинах, увязав их достижения в искусстве, драме и в сфере нравственного духа с демократической формой правления. Она давала «наибольший простор для развития сильных политических характеров», как, например, Перикл, которого немецкий философ ставил чрезвычайно высоко, заявляя: «Мы не можем указать ни одного государственного деятеля, который равнялся бы ему по мощи своей индивидуальности» [14; 285].

По-новому взглянул на античную историю французский публицист Бенжамен Констан, первым поставивший проблему сравнения древней афинской и новой европейской демократии. Строго говоря, в своей знаменитой лекции, прочитанной в 1819 г. в l'Athénée royal de Paris и затем изданной под названием «О свободе древних в сравнении со свободой новых народов», Констан сравнивал не демократии, а свободу в греческом и современном понимании. Однако из поставленной им проблемы однозначно вытекало и сравнение политических систем, побуждавшее рассматривать афинскую демократию не с беллетристической, морализаторской или философско-публицистической целью, а как объект для самостоятельного научного анализа. Главное отличие свободы «древних народов» от «новых» Констан узрел в следующем: «коллективная свобода» первых (в том числе в принятии решений и законов, осуществлении контроля над должностными лицами) сочеталась с полным подчинением личности гражданскому целому, т. е. общине. «Личность, почти всегда суверен в общественных делах, была рабом в частной жизни». Свобода же в современном понимании напрямую связана с правами и свободой личности: наказание только по суду, свобода слова, право распоряжаться собственностью, право выбора профессии, свобода совести, свобода передвижений и т. п. Подчеркивая ограниченность индивидуальной свободы у греков, Констан тем не менее признавал, что в коммерческих Афинах по сравнению с военизированной Спартой дело обстояло с ней куда лучше, и из всех древних государств именно Афины более всего в этом отношении напоминают современные [15; 310-312, 315, 317].

Подводя итоги развития историографии по афинской демократии к концу первой четверти XIX в., отметим, что общий тон был скорее отрицательным (по совокупности веков), хотя к концу XVIII в. ситуация очевидным образом начинала меняться и под влиянием политической конъюнктуры (Европа вступала в пору революционных демократических потрясений), и под воздействием таких авторитетов, как Вольтер или Винкельман, позже — Гегель. Критический настрой объяснялся не только господствовавшими тогда политическими институтами и соответствующей идеологией, далекими от демократической модели, а порой откровенно враждебными ей, но также характером источников, на которые опирались европейские мыслители, вынашивая свой образ афинской демократии. Они ориентировались главным образом на нелицеприятную характеристику, данную радикальной демократии у Платона, Аристотеля и в биографиях Плутарха. Переоценка, наметившаяся с конца XVIII-начала XIX вв., была связана в том числе с развитием истории как отдельной науки и постепенным переходом инициативы при анализе ее проблем от мыслителей, философов, публицистов и политиков к профессиональным историкам.

В одной из своих статей М. Хансен заметил, что все время между античностью и Просвещением афинская демократия была Спящей красавицей с двумя главными отличиями от сказочного прототипа: она спала не сто, а две тысячи лет, и она не была разбужена поцелуем влюбленного принца. Когда она проснулась, принцы ее боялись, философы питали к ней отвращение, а государственные деятели находили невозможной [16; 25]. Датский ученый ради риторического изыска сгустил краски, отдавая должное многовековой антиафинской традиции в европейской мысли. Ситуация, как мы видели, стала меняться еще в эпоху английской революции, а веком позже мы являемся свидетелями уже самых разных оценок афинской демократии. Все же хочется развить почин уважаемого датского историка и использовать тоже сказочный, но иной образ. Мы бы сравнили афинскую демократию с гадким утенком. Ее превращение в прекрасного лебедя было постепенным и сначала почти незаметным (как и у Андерсена). Чудо окончательного превращения в великолепную и гордую птицу произошло, когда за дело взялся банкир и политик с берегов туманного Альбиона по имени Джордж Грот. Но это уже совсем другая история...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фукидид. История / Пер. с древнегреч. Ф. Г. Мищенко и С. А. Жебелева. СПб: Ювента, 1999. 590 с.
2. Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М.: Мысль, 1996. 639 с.
3. Bodin, J. The Six Books of a Commonweale / A Facsimile reprint of the English translation of 1606 / Ed. by K. D. McRae. Cambridge: Harvard University Press, 1962. 1008 p.
4. Roberts, J. T. Athens on trial. The Antidemocratic Tradition in Western Thought. Princeton: Princeton UP, 1994. 405 p.
5. Swift, J. A Discourse of the Contests and Dissentions Between the Nobles and the Commons in Athens and Rome with the Consequences They Had upon Both those States / Ed. F. H. Ellis. Oxford, 1967. 270 p.
6. Mitford, W. The History of Greece. L.: Cadell, 1795-1797. 3rd ed. Vol. V.
7. Barthélemy J. -J. Voyage du jeune Anacharsis en Grèce dans le milieu du IV siècle avant l'ère vulgaire. Paris: A. Hiard, 1839. 562 p.
8. Loraux, N., Vidal-Naquet P. La formation de l'Athènes bourgeoise // Vidal-Naquet P. La démocratie grecque vue d'ailleurs. Essais d'historiographie ancienne et moderne. Paris, 1990. P. 161-209.
9. Voltaire. Dictionnaire philosophique // Oeuvres complètes. Vol. XVIII, XX. Paris: Garnier frères, libraires-éditeurs, 1878. T. XVIII. 612 p.; T. XX. 622 p.
10. Reinhold, M. Classica Americana: the Greek and Roman Heritage in the United States. Detroit: Wayne St. University Press, 1984. 370 p.
11. Hamilton, A., Madison J., Jay J. The Federalist Papers / Ed. by C. Rossiter. N. Y.: A Signet Classic, 2003. 648 p.
12. Paine, T. The Rights of Men. Mineola, N. Y.: Dover Publications, 1999. 200 p.
13. Винкельман И. -И. История искусства древности. Малые сочинения / Изд-е подготовил И. Е. Бабанов. СПб.: Алетейя, 2000. 800 с.
14. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Пер. с нем. А. М. Водена. СПб.: Наука, 1993. 480 с.
15. Constant B. The Liberty of the Ancients Compared with that of the Moderns // Political Writings / Ed. and tr. by B. Fontana. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 307-328.
16. Hansen M. H. The 2500th Anniversary of Cleisthenes Reforms and the Tradition of Athenian Democracy // Ritual, Finance, Politics: Athenian Democratic Accounts Presented to D. Lewis / Ed. by R. Osborne and S. Hornblower. Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 25-37.